

Вход в «Лабиринт»

Д.О. Рябов

Рябов Дмитрий Олегович (Санкт-Петербург, Россия) — ассистент кафедры российской политики Санкт-Петербургского государственного университета; Email: dmriabov@gmail.com

ОБРАЗ РОССИИ В ПОЛИТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: СЛУЧАЙ «ЕВРООПТИМИСТОВ»

В статье анализируется образ России в политике идентичности политических элит, поддерживающих европейскую интеграцию. Автор полагает, что ведущей тенденцией является исключение России из «Европы», при этом негативный образ России является неизбежным дополнением создания европейскости. В статье выделены политические, культурные, этнические, конфессиональные, цивилизационные и исторические дискурсивные практики исключения России из Европы. Образ России, по мнению автора, в политике европейской идентичности, выполняет следующие функции: определение содержательных критериев европейскости, достижение позитивной коллективной самооценки, легитимация ЕС, поддержание социально-политического порядка в ЕС, легитимация отношений между странами ЕС.

Ключевые слова: политика идентичности, европейская идентичность, образ России, российско-европейские отношения, «еврооптимисты».

D. Riabov

Dmitrii Riabov (St. Petersburg, Russia) — Assistant Lecturer, Chair of Russian Politics at St. Petersburg State University; Email: dmriabov@gmail.com

IMAGE OF RUSSIA IN THE POLITICS OF EUROPEAN IDENTITY: CASE OF “EUROOPTIMISTS”

The article analyzes the image of Russia in the politics of identity of political elites that support European integration. The author believes that the leading trend is the exclusion of Russia from the "Europe", while the negative image of Russia is inevitable in establishing Europeanness. The article highlights the political, cultural, ethnic, religious, historical and civilization discourse practices of exclusion Russia from Europe. According to author, the image of Russia performs the following functions in the politics of European identity: defining criteria of Europeanness, achieving positive collective self-conception, legitimating of the EU, maintaining social and political order of the EU, the legitimating of the relations between the EU countries.

Keywords: politics of identity, European identity, image of Russia, European-Russian relations, “Eurooptimists”.

«Россия и Европа» — одна из важных проблем отечественной культуры, которая находится в центре внимания российской политической мысли на протяжении нескольких веков. Эта проблема стала особенно актуальной сейчас, когда отношения между Россией и Европейским Союзом переживают кризис, и образ России на Западе, и без того не слишком привлекательный, еще более ухудшился. Образ России в европейском культурном пространстве определяется многими факторами, в числе которых и внутренние для Европы причины. Еще в 1879 г. Н. Я. Данилевский писал: «...В настоящее время сознание о политическом целом, именуемом Европою ... является результатом сознания существования чего-то ей политически противоположного, а это противоположное, эта анти-Европа, и есть Россия...» [6]. Очевидно, и современный образ России в ЕС связан с европей-

ской политической идентичностью, с тем, какие акторы принимают участие в его создании, и какие формы они при этом используют.

Россия является европейской страной в силу своего географического положения, роли христианской культуры, этнической близости к славянским народам Центральной Европы. В XXI в. Россия принимает участие в важнейших событиях европейской жизни и состоит в европейских политических, общественных и культурных организациях: от Совета Европы и ОБСЕ, до УЕФА и конкурса «Евровидение». Однако сами географические представления являются социальным конструктом: человек упорядочивает, перерабатывает и создает свое изображение окружающего пространства, которое зависит от его взгляда на мир [42]. Следовательно, воображение географических границ, территории той или иной страны, ее принадлежности к определенному региону мира является реальным фактором политики, который необходимо учитывать. Так, еще Э. Саид продемонстрировал, что «Восток» определяется исходя из потребностей «Запада» [42]. Другим известным примером «воображаемой географии» стало «изобретение Восточной Европы» [5]. Как при помощи подобной «воображаемой географии» в современной политике европейской идентичности решается вопрос о принадлежности России Европе?

Разумеется, этот образ неоднороден; он варьируется в зависимости от многих факторов, одним из важнейших среди них является отношение политического актора к проблеме европейской интеграции и существованию ЕС в его нынешнем виде. Два течения современной политической жизни ЕС — «еврооптимисты» и «евроскептики» — формируют и два основных варианта образа России, существующих в политике европейской идентичности. В данной статье мы проанализируем образ России в политике идентичности «еврооптимистов» — то есть, тех представителей европейских политических элит, которые выступают за углубление и расширение европейской интеграции. Сначала мы уточним методологические основания исследования, определив значимые для него понятия. Далее рассмотрим дискурсивные практики исключения России из Европы в политике европейской идентичности, осуществляемой «еврооптимистами». Наконец, мы предложим объяснение причин существующего образа России, выделив функции, которые он выполняет в политике европейской идентичности ЕС.

Политика европейской идентичности: Методология исследования

Политика идентичности — сравнительно молодое понятие политической науки, появившееся в 1980-х гг., когда оно использовалось для характеристики борьбы меньшинств за свои права; политика идентичности определялась как деятельность по переопределению места группы внутри культурной системы (об истории термина см. в [5, с. 19–21]). В 1990-х гг. понятие политики идентичности использовалось для обозначения деятельности по отстаиванию своей самости этническими группами. В российской политической науке сегодня утверждается понимание политики идентичности как целенаправленной и мотивированной деятельности политических акторов по формированию, поддержанию и корректировке коллективной идентичности как микро-, так и макрополитических сообществ. (См. подробнее [1]. Приведем еще один вариант определения, рассматривающий политику идентичности как «деятельность политических элит по формированию как представлений о «мы-сообществе», так и чувства принадлежности к сообществу в рамках границ политического сообщества, будь то границы национального государства или региона» [51]). О.Ю. Малинова характеризует данное понятие в качестве видového по отношению к понятию символической политики, которая, с ее точки зрения, должна пониматься как «деятельность политических акторов, направленная на производство и продвижение/навязывание определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих» [19]. Внимание акцентируется на том, что данная деятельность предполагает конкуренцию представлений, что требует изучения специфических механизмов, обуславливающих результаты такого взаимодействия: доминирование одних способов и маргинализацию других, а также трансформацию дискурсов под его влиянием [20, 21]. Обосновывая свое понимание символической политики, О.Ю. Малинова особо отмечает,

что та отличается от более привычного понятия идеологической борьбы тем, что она, во-первых, не обладает систематичностью, во-вторых, широко задействует не только идеи, но также образы и символы. Нам представляется важным учитывать отмеченные исследовательницей характеристики символической политики в таком ее частном случае, как политика идентичности. Действительно, конструирование идентичности фактически и означает символическую борьбу за производство и продвижение способов интерпретации «своих» и «чужих» в качестве доминирующих. Таким образом, политика европейской идентичности может быть определена как вид символической политики, состоящий в целенаправленной деятельности политических акторов стран ЕС по формированию, поддержанию и корректировке политической идентичности.

Под европейской политической идентичностью мы предлагаем понимать состояние групповой солидарности граждан ЕС, включающее коллективный (осознание и переживание политическим сообществом своей целостности и тождественности) и индивидуальный (осознание и переживание гражданами ЕС своей принадлежности к Европе) уровни. На наш взгляд, она существует как в сознании членов данного политического сообщества, так и интерсубъективно, в процессе политической коммуникации между ними, а также в объективированных формах — например, в политической символике.

В процессе конструктивистской и постструктуралистской критики эссенциалистского понимания коллективной идентичности было предложено рассматривать ее как феномен, для которого свойственны такие характеристики, как референтность, гетерогенность и контекстуальность [17]. Рассмотрим, как эти характеристики могут быть применены к анализу европейской политической идентичности.

Что касается референтности, то идентичность понимается как отношение между «своими» и «чужими». Политическая философия «другого» имеет насыщенную историю, включая в себя тексты самых разных мыслителей: от К. Маркса и Г. Зиммеля до М. Фуко и Ю. Кристевой. Роль «чужих» в коллективной идентичности обуславливает ключевое значение символической границы в идентификационных процессах и в политике идентичности. На роль символической границы в социальных и политических процессах внимание обратил Ф. Барт [55]. Для того чтобы дифференцирующие маркеры — «символические пограничники» — были эффективными, необходимо, чтобы они, во-первых, маркировали границу и были узнаваемыми; во-вторых, легитимировали ее, придавая ей видимость естественности и прочности; в-третьих, акцентировали различные черты двух сообществ и игнорировали сходные, ослабляя тем самым границы внутренние (См. подробнее о символических границах и символических пограничниках [39]). В дальнейшем подход Ф. Барта стал использоваться и в политологии. Очевидно, что проведение символических границ между политическими сообществами, связанное с процессами включения и исключения, является необходимым условием его создания и функционирования.

Следующая важнейшая характеристика коллективной идентичности — гетерогенность. Она означает, что идентичность является процессом конкуренции политических дискурсов, которые соревнуются между собой за определение того, кто и почему является «своим», а кто — «чужим». В результате эти дискурсы производят внутренние границы и иерархии: «свои» делятся на «более своих» и «менее своих», и, помимо внешних «чужих», появляются еще и внутренние. То есть, существуют различные степени принадлежности к «своим» или, другими словами, различные степени «прототипичности», соответствия некому эталону и отклонений от него [17]. Производя инаковость внешнюю, каждый идентификационный дискурс производит тем самым инаковость внутреннюю. Таким образом, определение «чужих» не только оказывает влияние на идентичность, но также воздействует на иерархию политических акторов; в связи с этим проведение символических границ между «своими» и «чужими» становится предметом внутривнутриполитической борьбы; она ведется как за право проведения границ, так и за выбор самих маркеров, что подчеркнул еще Барт [55, с. 35; см. также 39].

Наконец, в качестве еще одной важной характеристики коллективной идентичности называют контекстуальность. Идентичность представляет собой, скорее, процесс, чем состояние (хотя,

разумеется, ее изменчивость имеет свои пределы). Это означает, что образы «своих» и «чужих», а также символические границы между ними, производимые политической идентичностью, зависят от контекста: как от временного, так и социального (восприятие «своих» зависит в том числе от того, кто именно выступает в роли «чужих»).

На основании свойств политической идентичности выделим важнейшие направления политики европейской идентичности, проводимой «еврооптимистами». Во-первых, это создание позитивной идентичности, то есть производство соответствующих образов «своих» как узнаваемого и привлекательного образа европейскости, а также чувства принадлежности к ЕС у его граждан. Во-вторых, это обеспечение внутреннего единства, солидарности, за счет ослабления внутренних символических границ и переформатирования коллективных идентичностей, которые могли бы составить конкуренцию европейской идентичности (прежде всего, национальных идентичностей). Вместе с тем, следует учитывать, что целью ЕС не является стирание внутренних границ и чрезмерное ослабление национальных идентичностей. В-третьих, это создание негативной идентичности, то есть конструирование релевантных образов «чужих», позволяющих формировать и поддерживать позитивный образ «своих», а также видимой, прочной и легитимной символической границы между «своими» и «чужими», равно как и нормы отношения к «чужим». В силу специфики природы ЕС его политическая идентичность является слабой, что определяет особую важность образа «другого» в политике идентичности. Среди значимых «других» ЕС исследователи называют США, ислам и Россию [56; 59; 64; 66].

Дискурсивные практики исключения России из Европы

Ведущей тенденцией репрезентаций России в политике европейской идентичности, проводимой «еврооптимистами», является исключение ее из Европы. Собственно, сами исторические условия возникновения ЕС способствовали этому: уже панъевропейский проект Р. Куденхове-Каллерги, появившийся в 1920-х гг., основывался на негативном образе России [15]. Создание ЕС в годы «холодной войны» также представляло собой ответ на вызов, связанный с усилением СССР в послевоенные годы¹. Наконец, расширение ЕС после распада СССР потребовало разрушения прежних символических границ ЕС и создания новых. Необходимо подчеркнуть, что для стран Центральной и Восточной Европы, ранее состоявших в Организации Варшавского Договора, вступление в ЕС трактовалось как возвращение в Европу². В исследовании И. Нойманна было впервые обращено внимание на то, что расширение ЕС, последовавшее после распада СССР, способствовало развитию идеи о том, что Россия не является европейской страной [65]. В связи с этим интерес представляет появление новых географических терминов, призванное способствовать дискурсивному вытеснению России из Европы. Так, еще в известном эссе 1983 г. «Трагедия Центральной Европы» М. Кундера, французско-чешский интеллектуал, сформулировал идею Центральной Европы как противопоставление России; он видел в Центральной Европе «восточный рубеж» Запада, а в России — его радикальное отрицание [16]. В последние годы в строительстве «Центральной Европы» стал востребованным термин профессора истории из Йельского университета Т. Снайдера «Bloodlands», появившийся в вышедшей в 2010 г. одноименной монографии; он позволил объединить территорию между гитлеровской Германией и сталинским СССР в одно целое, представив ее как «кровавые земли», как жертвы «кровавых режимов» [75]. В рецензии на его книгу В. Рижковский заметил, что в последние годы Центральная Европа «переизобретается» как заслон западной цивилизации от российской угрозы. «Центральная Европа» транслировала культурный миф о своей цивилизационной несовместимости с Россией. При этом в «Центральную Европу» включают Украину и Беларусь, тем

1. В связи с этим уместно вспомнить слова бельгийского политического деятеля, одного из основателей ЕС, П.-А. Спаака, который заявил: «Значительное число западных государственных деятелей окрестили 'отцами европейского единства'.

Ни один из них не заслуживает этого титула — он принадлежит Сталину» (Цит. по: [27]).

2. Например, на официальном веб-сайте посольства Эстонской Республики в Москве дается такая характеристика присоединения к СССР в 1940 г.: «три Балтийских государства, безусловно, были принудительно сбиты с пути их исторического развития» [53].

самым отрывая их от России, маркируемой как не-Европа [32]. Таким образом, это понятие помогает новому размежеванию Европы, отвечающему нынешней стратегии ЕС.

Объясняя чуждость России Европе, акторы политики европейской идентичности акцентируют внимание на различных факторах: от географического и конфессионального до антропологического и этнического. Проанализируем те дискурсивные практики, маркирующие Россию как не-европейскую страну, которые заключаются в приписывании ей черт, отличных от европейских, а то и противоположных им.

Прежде всего, Россия позиционируется как не отвечающая европейским политическим ценностям. Можно выделить ряд аспектов обоснования ее не-европейскости при помощи политического дискурса.

Во-первых, в качестве неевропейской репрезентируется политическая система страны, которую представляют как не соответствующую канонам демократии: Россия — авторитарная страна, в которой власть сосредоточена в руках президента, нарушаются права и свободы граждан. Кроме того, в России отсутствует разделение властей, и более всего это проявляется в отсутствии независимой судебной власти. Россия также осуждается за ограничение свободы слова и преследование оппозиционных журналистов как со стороны СМИ, так и европейских межправительственных институтов: Европейского парламента и Совета Европы и неправительственных организаций: «Репортеры без границ», «Европейская федерация журналистов» и др. [Подр. см.: 36].

Во-вторых, России приписывается нарушение прав этнических меньшинств, северокавказских и финно-угорских, в связи с этим актуализируется такой маркер страны, идущий из европейского дискурса XIX века, как «тюрьма народов» [36]. Подобные обвинения звучат даже от лидеров государств-членов ЕС. Так, президент Эстонии, будучи с визитом в России, призвал российских финно-угорские народы РФ к самоопределению (Президент Эстонии призвал российских финно-угров к самоопределению).

В-третьих, пишется об агрессивной внешней политике и империалистических амбициях России по отношению к своим европейским соседям. Как агрессию, подрывающую фундаментальные принципы европейской цивилизации, определяли действия России во время российско-украинского кризиса большинство европейских институтов, в том числе Европарламент и ПАСЕ. Заявления об украинском кризисе как тесте для основополагающих ценностей Европы сделали председатели Европейского совета и Европейского Д. Туск и М. Шульц [76]. Одним из последних ярких примеров является вышедший в 2016 г. фильм Би-Би-Си, в котором Россия представлена инициатором Третьей мировой войны [77]. Представляет интерес появление и использование для характеристики принципов внешней политики России термина «Доктрина Путина», под которой понимают ограничение суверенитета соседних государств, в частности, Украины [12].

Далее, российское общество изображается как далекое от стандартов европейской культуры, идет ли речь о материальной культуре или о духовной. Что касается первой, то в СМИ многих стран ЕС можно встретить суждения о том, что условия быта в России таковы, что лишь Москва и Петербург могут быть отнесены к современным городам; вся прочая Россия по уровню жизни далеко от них отстает. Часто акцентируется такая черта уклада жизни, как пьянство [45], а также агрессивность, грубость в поведении [31], плохие манеры [34].

«Неевропейскость» обнаруживает себя и в отношении к ценностям современной европейской культуры. В частности, русским недостает толерантности, которая понимается как уважение прав меньшинств. Вопрос об отсутствии толерантности стал особенно актуальным в последние годы, что связано, прежде всего, с дискуссиями о гендерном порядке российского общества [37]. Гендерные вопросы и в прошлом часто выдвигались на первый план в обсуждении российско-европейских отношений как в России, так и на Западе [41]; теперь же репрезентации гендерного порядка становятся одними из самых значимых для оценки соответствия европейским ценностям. Российское общество объявляется патриархальным, где доминируют архаичные модели маскулинности и фемининности (так, объектом жесткой критики становится модель маскулинности, представителем которой западные эксперты и СМИ называют В. Путина) (напр., [49]). Отсутствие толерантности

проявляет себя в дискриминации представителей секс-меньшинств, осуществляемой и на уровне государственной политики (См. Закон о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних), и на бытовом уровне, что обусловлено предрассудками россиян [37].

На страницах европейской прессы нередко появляется образ России как страны этнической и расовой нетерпимости, причем особенно часто в связи со спортивными соревнованиями; ставится даже вопрос о лишении России права на проведение чемпионата мира по футболу в 2018 г. [36].

Национализм, этатизм, великодержавность и неспособность отказаться от тоталитарного прошлого также являются распространенными и имеющими долгую историю характеристиками России и русских [3; 38].

Важными для понимания политики европейской идентичности, предполагающей дискурсивное вытеснение России из Европы, являются не только различия между Россией и ЕС, постулируемые европейскими экспертами и политиками, но и предлагаемые ими способы их объяснения. Одни способы предполагают акцентирование внимания на факторах, которые носят временный, ситуативный, характер и, следовательно, могут со временем перестать оказывать влияние. К их числу можно отнести ссылки на изоляцию страны от западного мира в советский период, специфику современной политической системы в стране или особенности личности российского президента. Однако наибольшую прочность символическим границам между ЕС и Россией придают объяснения, связанные с эссенциализацией различий; это обращение к вневременным факторам, которые призваны продемонстрировать сущностную чуждость России европейской цивилизации. При таком способе объяснения причины различий выглядят неустранимыми, по крайней мере, в обозримом будущем. М. Малиа использовал термин «Eternal Russia», «вечная Россия», характеризуя позицию тех западных обозревателей, которые полагали, что Россия не способна меняться, что ее сущностные характеристики не исчезают, но лишь принимают другую форму [63]. Данные приемы сегодня занимают, скорее, маргинальное место в политике европейской идентичности, однако игнорировать их нельзя.

Прежде всего, используется этнический дискурс; в нем подчеркивается принадлежность народов России, включая русский, к неевропейским этническим сообществам. Этот дискурс отражают тенденцию ориентализации России и объясняет особенности русского менталитета влиянием монголо-татарского ига, а государственности — наследием Золотой Орды. В XIX в. получила распространение такая фраза, как «Поскребите русского, и вы обнаружите татарина» [63, с. 129]; подобные — по сути, расистские — маркеры сегодня также встречаются, хотя публикуются, преимущественно, в маргинальных СМИ³. В прошлом роль этнического маркера не-западности играла принадлежность к славянским этносам; сегодня такие способы исключения едва ли возможны потому, что многие страны с преимущественно славянским населением стали членами ЕС. Поэтому все более заметной становится тенденция, напротив, оторвать центрально- и восточноевропейские страны от России, маркируя ее как не-славянское сообщество. В наши дни эта идея в политике европейской идентичности используется особенно активно в связи с событиями на Украине⁴. Другой же модификацией использования этнического дискурса для разрушения связей России с восточноевропейскими соседями заключается в том, что этнические связи сами по себе объявляются иррелевантными современной политике [16]. Идея славянского мира становится предметом внимания сегодня, в частности, при объяснении украинского кризиса. М. Рябчук в статье «Эмансипация от восточнославянской уммы» пишет, что и для русских, и для украинцев конфликт на востоке Украины знаменует начало болезненного процесса эмансипации от домодернистского (pre-modern) воображаемого сообщества восточных славян, этот процесс, по его мнению, приведет к появлению современной гражданской национальной идентичности [72].

Еще одним типом эссенциализирующего дискурса является конфессиональный. Разделение христианства на западную и восточную ветви способствовали маркировке православной России

3. Например, в «Христианской Польше» [9].

4. Об аналогичных идеях в украинском национализме 2000-х гг. См., напр.: [26].

как не вполне европейской на протяжении всей истории российско-европейских взаимоотношений [61, с. 68–71; 38]. Более того, иногда русскому православию отказывали в праве считаться ветвью христианства; не случайно войны против получали статус крестовых походов — например, Ливонская война [66, с. 74]. Сегодня в европейской прессе можно встретить публикации, в которых выбор православного варианта христианства интерпретируется как фактор, определяющий авторитарную политическую систему России, сакрализацию светской власти, обожествление государства, отсутствие разделения светской и духовной власти [43].

Далее, используется цивилизационный дискурс, предполагающий выведение свойств России, ее внутренней и внешней политики, равно как и менталитета ее населения из сущностных характеристик российской цивилизации. Современные европейские СМИ могут указывать на тысячелетние русские традиции концентрации власти в одних руках, колониальной экспансии и собственности на людей, препятствующие демократизации Древней Руси, СССР, России.

Эссенциализирующим следует признать и исторический дискурс, в рамках которого доказывалось, что Россия всегда была чуждой европейским ценностям и, как правило, представляла для Европы угрозу. Особую функцию у сторонников исключения России из «Европы» выполняет новая интерпретация Второй мировой войны, занимающая важное место в политике европейской идентичности. Основные положения ревизии существовавшей долгие годы точки зрения можно сформулировать следующим образом: 1) Ответственность за развязывание войны наравне с Гитлером несет СССР; 2) Великая Отечественная была войной между тоталитарными СССР и Германией на территории ЦВЕ, народы которой, в соответствии с концепцией «кровавых земель», стали главными жертвами войны; 3) Результатом победы Советской Армии над нацистской Германией стало порабощение стран ЦВЕ и установление советского тоталитарного режима; 4) Советские солдаты вели себя как завоеватели, совершая насилие над мирными жителями; 5) «Советское» приравнивается к «русскому», в результате чего ответственность за все негативное, что связано с войной, возлагают на Россию; другие же этносы СССР объявляются, скорее, жертвой русских (Фомин 2010). В тех редких случаях, когда позитивный эффект действий Советской Армии отрицать сложно, делаются попытки утверждать, что это происходило благодаря действиям представителей нерусских народов СССР — например, польский министр иностранных дел Г. Схетына объявил, что Освенцим освобождали бойцы Украинского фронта, то есть, по его мнению, этнические украинцы и, следовательно, современная Россия не имеет к этому событию никакого отношения [30].

Ревизия знаний о Второй мировой войне как часть европейской политики памяти рассматривается в работах А.И. Миллера. Он отмечает, что накануне восточного расширения ЕС существовал консенсус по поводу Холокоста как ключевого события Второй мировой, ответственность за который в той или иной степени несет большинство государств ЕС. Страны «Новой» Европы, чьи национальные герои участвовали в Холокосте, изменили этот консенсус: ключевым понятием становится тоталитаризм (немецкий и советский), жертвами которого становятся жители стран ЦВЕ [23].

Кратко остановимся на основных этапах этого процесса, начало которому было положено в 2006 г. резолюцией ПАСЕ № 1481 призывающей к «осуждению преступлений тоталитарных коммунистических режимов» [71].

Следующий этап связан с подписанием в 2008 г. на конференции «Совесть Европы и коммунизм» европейскими политиками, историками и бывшими диссидентами Пражской декларации. В ней подчеркивается существенное сходство между коммунизмом и нацизмом, возлагается ответственность за преступления против человечности на коммунистическую идеологию и призывается создать Европейский институт памяти и совести, который стал бы общеевропейским мемориалом жертвам тоталитарных режимов [68].

Второго апреля 2009 г. Европейский Парламент принял резолюцию «Европейское сознание и тоталитаризм», призвавшую страны ЕС объявить 23 августа (день подписания «Пакта Молотова-Риббентропа») общеевропейским Днем памяти жертв тоталитарных и авторитарных режимов. В резолюции предписывается, как история Второй мировой войны должна восприниматься в контексте европейских ценностей. В частности европейская интеграция называется «реакцией на страда-

ния, причиненные двумя мировыми войнами и нацистской тиранией, которые привели к Холокосту и возникновению тоталитарных коммунистических и недемократических режимов» в странах ЦВЕ. Кроме того, резолюция призывает предпринимать усилия для «укрепления преподавания истории Европы, подчеркивания исторического достижения европейской интеграции и разительного контраста между трагическим прошлым и мирным, демократическим социальным порядком в современном Европейском Союзе». Рекомендуются также создать Платформу Европейской Памяти и Совести для поддержки национальных исследовательских организаций, специализирующихся на истории тоталитаризма и общеевропейский мемориал жертвам всех тоталитарных режимов. Заметим, что такая Платформа была создана в 2011 г. как институт, объединяющий организации посткоммунистических стран; это выступило важной формой политики идентичности ЕС [61].

Первого июля 2009 г. Парламентская ассамблея ОБСЕ приняла резолюцию «Воссоединение разделенной Европы: защита прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке», в которой поддерживалось инициатива Европейского парламента объявить 23 августа «общеевропейским днем памяти жертв сталинизма и нацизма во имя сохранения памяти о жертвах массовых депортаций и казней» [70].

Наконец, на международной конференции «Преступления коммунистических режимов», организованной правительством Чехии и Институтом по изучению тоталитарных режимов (25.02.2010) были приняты Декларация о преступлениях коммунизма, в которой содержится призыв к осуждению коммунистических режимов [58].

Преподавание истории в школе является важной формой политики европейской идентичности, и отмеченные черты образа российской истории отражаются в учебниках истории стран ЕС [18; 22, с. 65–70]. Особую роль играет интерпретация Второй мировой войны, и основной тенденций является стремление вытеснить ее историю на периферию исторического сознания европейцев как разобщающую народы. Тем не менее, в национальных учебниках трактовка событий 1939–1945 гг. используется как средство национальной идентификации [44]. Польские учебники истории и учебники стран Балтии представляют историю своих стран как истории жертв тоталитарных режимов, причем сталинский режим предстает даже более опасным, чем нацистский [44, с. 27]. В политику исторической памяти включается и тема изнасилований немом советскими солдатами, которая широко обсуждается как в Германии, так и в других странах ЕС и нередко интерпретируется в рамках цивилизаторского дискурса, идущего от пропаганды Третьего Рейха: «борьбы западного цивилизованного общества с опасными варварами» [8].

Позиция стран ЕС по отношению к установке тех или иных памятников также является формой политики европейской идентичности. В последние годы заметным явлением стали уничтожение и осквернение советских памятников [24], что осуществляется именно в рамках борьбы с советским прошлым, как знак освобождения от советской оккупации. Неудивительно, что все страны ЕС в декабре 2009 г. консолидировано воздержались при голосовании в ООН за резолюцию, осуждающую прославление нацизма и осквернение памятников борцам с фашизмом [24]. Обсуждение необходимости сноса советских памятников встраивается в дискурс о европейскости и тех стран, которые пока только собираются вступить в ЕС и стремятся соответствовать европейским стандартам. Так, мэр Кишинева призвал снести памятник советскому солдату в Молдове, напрямую связав это с европейскими ценностями и возможностью вступления в ЕС: «Эстония демонтировала монумент 'Бронзовый солдат' из центра города, перенесла его на периферию, восстановив тем самым корректное положение вещей. Если Молдавия последует этому примеру, то через 10, 15, 20 или 25 лет мы будем гражданами Европы со всеми правами» [25].

Большую роль в политике идентичности играет учреждение музеев и организация музейных экспозиций. Осенью 2007 г. в Брюсселе был открыт Музей Европы, основная цель которого была заявлена как формирование европейской идентичности. Примечательно, что пространственные границы «Европы» совпадают с областью распространения латинского христианства, исключая, таким образом, историю России [54]. Кроме того, необходимо упомянуть и «музеи советской оккупации», созданные в странах Балтии, которые призваны показать, в том числе, противоестественность на-

хождения народов Балтии в составе СССР и подчеркнуть их принадлежность европейской цивилизации [См. 2, с. 185].

Символическая борьба за интерпретацию Великой Отечественной войны может служить иллюстрацией роли, которую в создании идентичности ЕС играют символы. Наиболее узнаваемый символ России на протяжении нескольких столетий — «русский медведь» (Об истории символа См. [33; 62]. Востребован он и сегодня при характеристике России, ее внутренней и внешней политики. Основная тенденция использования данного символа заключается в том, чтобы промаркировать Россию как отличное от Запада и как низшее. Медвежий символ широко эксплуатировался европейскими СМИ для освещения российско-грузинского военного конфликта в августе 2008 г. [73]; сегодня он тиражируется в освещении украинского кризиса.

Другой символ, занимающий важное место в восприятии России и значимый в политике европейской идентичности «еврооптимистов» — это «Владимир Путин», что определяется и влиятельностью российского президента в мировой политике, и узнаваемостью его в мире. Кроме того, необходимо учитывать, что в дискурсе международных отношений достаточно распространенной является практика персонификации страны в образе ее лидера [57, с. 238–41]. В целом, образ российского политика, особенно в последние годы, наделяется негативными чертами настолько, что многие пишут о демонизации Путина в западных медиа [См. 40]. Среди наиболее популярных приемов такой демонизации — сравнение Путина с авторитарными правителями России, включая Ивана Грозного, Петра Первого и И. Сталина [См., например, 50]. Некоторые идут еще дальше, проводя параллели между Путиным и Гитлером [11; 13; 52; 69]. Кроме того, Путина сравнивают с другими политическими лидерами, которых обвиняют в авторитарных наклонностях (в частности, Р. Эрдоганом, В. Орбаном). Любопытно, что одним из измерений этого сходства называют мачизм этих руководителей, понимаемый как вера в ценности, традиционно связываемые со стереотипной маскулинностью, в их превосходство над ценностями, отождествляемыми с женственностью. В контексте нашего исследования особенно важным выглядит то, что приписываемый Путину мачизм называют проявлением не только персональных особенностей, но и культурных, свойственных российскому обществу в целом [74, с. 23–35].

Функции образа России в политике европейской идентичности

Итак, в дискурсивных практиках исключения России из Европы фигурирует негативный образ России. Чтобы объяснить это, следует обратиться к функциям образа России в политике европейской идентичности «еврооптимистов».

Во-первых, при помощи образа России происходит определение содержательных критериев европейскости. Кроме того, образ России помогает в политике памяти, проводимой еврооптимистами, тем самым способствуя созданию особой европейской интерпретации истории.

Во-вторых, образ России способствует достижению позитивной коллективной самооценки. Образ России наделяется чертами, которые призваны подчеркнуть правильность, прогрессивность европейских ценностей, а принадлежность к ЕС представить как членство в своеобразном элитном клубе, имеющем превосходство над соседями во многих отношениях: экономическом, образовательном, культурном, нравственном, политическом и др. (Например, о роли негативного образа России в достижении позитивной коллективной идентичности поляков См.: [10].

В-третьих, использование образа России выступает способом легитимации ЕС (его создания, существования в нынешних границах, его восточной политики, включая и прием новых членов) и обоснования внешней политики по отношению к России. Так, он эксплуатируется в легитимации позиции ЕС по вопросу украинского кризиса.

В-четвертых, он становится элементом внутривнутриполитической борьбы в странах ЕС. Маркер неевропейскости России используется в политической мобилизации и борьбе с оппонентами, которые обвиняются в том, что они усиливают влияние России в Европе: либо по недомыслию, будучи «полезными идиотами Путина», либо выступая «платными агентами Кремля» (См., напр., материал о

голландских евроскептиках [47]. Особенно часто в ослаблении ЕС и «работе на Путина» обвиняется французский Национальный Фронт (Например, [4]. Так, французская журналистка видит цель России, стремящейся «вовлечь в свою орбиту европейские ультраправые, националистические и еврофобские партии, создающей ‘новый Коминтерн’», в деморализации и расколе Европы, а также в том, чтобы европейские государства сами отказались от своих свобод, заложив тем самым основу путинской Евразии [46].

В-пятых, подобный образ России представляет собой фактор поддержания и корректировки социально-политического порядка в самих странах ЕС. При помощи этого образа проводится граница между нормой, то есть европейскостью, и девиацией. Он используется как составляющая часть негативной идентичности европейцев, воплощая в некотором смысле анти-идеал. Например, проявление интолерантности, авторитаризма или коррупции нередко маркируется как близость к евразийским ценностям, насаждаемым Россией. Нарцательным становится имя российского президента; оно используется для обозначения авторитаризма и интолерантности европейских политиков. Например, венгерский премьер-министр В. Орбан, которого обвиняют в авторитарных тенденциях и недостатке толерантности, называется в прессе «венгерский Путин» [67]. Маркировка авторитаризма, связанная с именем Путина, используется по отношению не только к политическим лидерам, но и явлениям политической жизни в целом. Это проявляет себя в появлении такого термина, используемого для описания политики, как «путинизация». Журналист немецкого «Шпигеля» использует данный термин (Putinisierung), характеризуя германскую политику в отношении мигрантов, вкладывая в это понятие отмену или ограничение основных прав, популистское паникерство, милитаризацию миграционного вопроса [7]. Еще более знаковым является использование этого термина высокопоставленными официальными лицами ЕС (например, М. Шульцем в отношении Польши [28].

Наконец, в-шестых, образ опасной России используется для легитимации отношений между странами ЕС. Можно выделить два аспекта портретирования России как угрозы для ЕС: первый связан с приписыванием Кремлю целенаправленных попыток расколоть ЕС как через поддержку отдельных политических сил, так и при помощи установления более тесных отношений с той или иной страной; второй — с тем, что Россия продвигает свой вариант ценностей, выступающих альтернативой ценностям европейским.

Под экспортом идей России подразумевают евроскептицизм политических партий, нарушающих общеевропейскую солидарность, что нашло отражение в распространении терминов «Правый интернационал», «Новый Коминтерн» и даже «Путининтерн» [36]. В контексте кризиса по размещению беженцев 2015–2016 гг. еврочиновники подвергли критике ряд стран, которые, по их мнению, ослабляют европейскую солидарность, тем самым усиливая позиции России. Например, в начале 2016 г. объектом подозрений, наряду с Венгрией В. Orbana, становится Польша в связи с принятием ею законов, которые руководящие органы ЕС посчитали недемократичными. Я. Аугштайн, один из владельцев немецкого «Шпигеля», критикуя обе страны, сравнивает их с «путинской Россией», по его словам, «авторитарной, узколобой, расистской» [14]. Россия тем самым выступает не просто как «другой» Европы, но как ее антипод: она пытается подменить подлинные европейские ценности ценностями ложными [4].

Заключение

Подводя итоги статьи, отметим, что ведущей тенденцией политики европейской идентичности, проводимой «еврооптимистами», является исключение России из «Европы». Это происходит в рамках политико-правового, социально-экономического и культурного дискурсов; помимо этого, используются этнический, конфессиональный, цивилизационный, исторический дискурсы, обособывающие сущностную чуждость России европейской цивилизации. Особую функцию у сторонников исключения России из «Европы» выполняет новая интерпретация Второй мировой во-

йны, которая занимает важное место в политике европейской идентичности, особенно в последнее десятилетие.

Спектр акторов политики европейской идентичности широк: это национальные и общеевропейские государственные органы, политики, общественные деятели, масс-медиа и экспертное сообщество. Они используют различные формы политики идентичности: резолюции и декларации европейских политических институтов; заявления европейских политиков и чиновников; оценки представителей экспертного сообщества; использование символов и ритуалов; установление памятных дат; учреждение музеев; установка и снос памятников; издание учебников и др. Образ России выполняет в политике европейской идентичности еврооптимистов такие функции, как: определение символических границ Европы и критериев европейскости; достижение позитивной коллективной идентичности граждан ЕС; оправдание создания ЕС и его существования в нынешних границах, а также обоснование его внешней политики; легитимация власти и делегитимация ее оппонентов; поддержание и корректировка социально-политического порядка в странах ЕС; легитимация внутреннего устройства ЕС.

Таким образом, можно говорить о том, что негативный образ России является в каком-то смысле неизбежным дополнением создания европейскости в дискурсе «еврооптимистов». Вместе с тем необходимо отметить и другую тенденцию. В политике европейской идентичности евроскептиков преимущественно используется образ России как неотъемлемой части европейской цивилизации. Этот образ воплощает те ценности, которые рассматриваются ими в качестве основ европейской цивилизации (защита национального суверенитета; опора на христианство; сохранение традиционной семьи; ограничение иммиграции) и в пренебрежении которыми они обвиняют власти ЕС. Тем самым образ России включается в их проекты Европы, альтернативные ЕС, используется в его критике и является фактором размывания европейской идентичности и дезинтеграции ЕС [37].

Библиография

1. Ачкасов В.А. Политика идентичности мультиэтничных государств в контексте решения проблемы безопасности. — СПб: Изд-во СПбГУ, 2012. — 232 с.
2. Ачкасов В.А. Роль «исторической политики» в формировании российской идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2015. — № 2. — С. 181–192.
3. Баталов Э.Я., Журавлева В.Ю., Хозинская К.В. «Рычащий медведь» на «Диком Востоке»: образы современной России в работах американских авторов, 1992–2007 гг. — М.: РОССПЭН, 2009. — 380 с.
4. Валь дель А., Ламбер М. Европе и России не избежать войны? // Atlantico. 21.12.2015. Перевод на сайте ИноСМИ. — URL: <http://inosmi.ru/military/20151223/234890618.html> (доступно 30.06.2016).
5. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. — М: Новое литературное обозрение, 2003. — 560 с.
6. Данилевский Н.Я. Горе победителям! // Хронос. — URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_d/gore1.html (доступно 30.06.2016).
7. Диц Г. Путинизация германской политики // Der Spiegel. 14.10.2015. Перевод на сайте ИноСМИ.— URL: <http://inosmi.ru/world/20151014/230802093.html> (доступно 30.06.2016).
8. Дубина В.С. Болезненная тема Второй мировой войны: память о сексуальном насилии по обе стороны фронта // Вестник РГГУ. — 2011. — № 17. — С. 47–56.
9. Енджейчак М. Туранское обличье России // Polonia Christiana. 29.08.2014. Перевод на сайте ИноСМИ.— URL: <http://inosmi.ru/russia/20140829/222672560.html> (доступно 30.06.2016).
10. Зарицкий Т. Российский дискурс в Польше: образ России в конструировании польской идентичности // Россияне и поляки на рубеже столетий. Опыт сравнительного исследования социальных идентификаций (1998–2002 гг.) / Под ред. Е.Н. Даниловой, В.А. Ядова. — СПб: Изд-во РХГА, 2006. — С. 63–87. (доступно 30.06.2016).
11. Коллер Ф. Лех Валенса: «Мы должны помочь России встать на путь перемен, по которому прошли сами» // Le Temps. 09.12.2015. Перевод на сайте ИноСМИ. — URL: <http://inosmi.ru/politic/20151209/234734459.html> (доступно 30.06.2016).
12. Колуччи Л. Доктрина Путина в действии // The Weekly Standard. 28.09.2015. Перевод на сайте ИноСМИ. — URL: <http://inosmi.ru/russia/20150928/230498639.html> (доступно 30.06.2016).

13. Корчинский Т. Безжалостная доктрина Путина // *Nasz Dziennik*. 20.08.2014. — Перевод на сайте ИноСМИ. URL: <http://inosmi.ru/world/20140820/222500475-print.html> (доступно 30.06.2016).
14. Крылов А. Практически животная ненависть к славянам // *Взгляд*. 7.01.2016. — URL: <http://vz.ru/columns/2016/1/7/787506.html>.
15. Куденхове-Калерги Р. Пан-Европа. — М.: Вита Планетаре, 2006. — 120 с.
16. Кундера М. Трагедия Центральной Европы // *Новая Еўропа*. — URL: <http://n-europe.eu/content/?p=26> (доступно 30.06.2016).
17. Курнаева Н.А., Рябов О.В. «Гусары денег не берут»: Свои и Чужие в гендерном дискурсе коллективной идентичности // *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. — 2006. — № 518. — С. 239-246.
18. Лееув-Роорд вон дер Й. История России в зарубежных учебниках. Доклад, прочитанный на международном семинаре «Современные подходы в преподавании истории» (Россия, Псков, 15-17 апреля 1996 г.) // *Метаморфозы Истории*. — 1997. — № 1. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-rossii-v-zarubezhnyh-uchebnikah> (доступно 30.06.2016).
19. Малинова О.Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. — 2010. — № 1. — С. 5–29.
20. Малинова О.Ю. Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. — 2012. — Т. 8. — № 4. — С. 179–204.
21. Малинова О.Ю. Символическая политика: контуры проблемного поля // *Символическая политика. Вып 1. Конструирование представлений о прошлом как властный Ресурс* — М., 2012. — С. 17–53.
22. Мареш Т. Образ восточного соседа: История Руси, России и СССР в польских учебниках для средней школы (40-90-е гг. XX в.) // *Вестник РГГУ*. — 2008. — № 4. — С. 63-78.
23. Миллер А. Европейские войны памяти: кто взорвал консенсус истории и чем за это заплатит // *Новая Газета*. 3.06.2015. — URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/68655.html> (доступно 30.06.2016).
24. Мнишек И. Демонтаж истории: Осквернение памятников поддерживается на государственном уровне // *Версия*. 12.01.2015. — URL: <https://versia.ru/oskvernenie-pamyatnikov-podderzhivaetsya-na-gosudarstvennom-urovne> (доступно 30.06.2016).
25. Мэр Кишинева предложил демонтировать памятники советским солдатам // *Лента.Ru*. 1.09.2014. — URL: <http://lenta.ru/news/2014/09/01/kishinev> (доступно 30.06.2016).
26. Палий А. Финно-угорская разгадка «загадочной России» // *День*. Kiev.ua. 16.10.2013. — URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/den-planety/finno-ugorskaya-razgadka-zagadochnoy-rossii> (доступно 30.06.2016).
27. Панарина Е.А. Развитие идеи европейской интеграции в первой половине XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Ставрополь, 2006. — 27 с.
28. Польшу обвинили в «путинизации» // *Коммерсант.ru*. 10.01.2016. — URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2889169> (доступно 30.06.2016).
29. Президент Эстонии призвал российских финно-угров к самоопределению // *Российская газета*. 30.06.2008. — URL: <http://www.rg.ru/2008/06/30/ilves.html> (доступно 7.02.2016).
30. Провокация по-польски. Польский министр считает, что концлагерь в Освенциме был освобожден украинцами // *Российская газета*. 21.01.2015. — URL: <http://www.rg.ru/2015/01/21/osventsim-site.html> (доступно 30.06.2016).
31. Радзивиневич В. Агрессия растет // *Gazeta Wyborcza*. 30.12.23. Перевод на сайте ИноСМИ. — URL: <http://inosmi.ru/russia/20131230/216161613.html> (доступно 30.06.2016).
32. Рижковский В. Как сделаны «бладлендс»? // *Ab Imperio*. — URL: <http://net.abimperio.net/node/2564> (доступно 30.06.2016).
33. Россомахин А.А., Хрусталева Д. Г. Россия как Медведь: истоки визуализации (XVI—XVIII век) // *Границы: Альманах Центра этнических и национальных исследований ИвГУ*. — 2008. — № 2. — С. 123–161.
34. Русские идут: «Ольга обогнала Хельгу» // *Der Tagesspiegel*. 29.07.2009. Перевод на сайте ИноСМИ. — URL: <http://inosmi.ru/world/20090729/251119.html> (доступно 30.06.2016).
35. Рябов Д.О. Россия как «другая Европа» в дискурсе европейских правых популистских партий // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. — 2014. — № 3. — С. 136-144.
36. Рябов Д.О. Образ России в политике европейской идентичности ЕС: автореф. дис. ... канд. полит. наук. — СПб, 2016. — 34 с.

37. Рябов Д.О. Российский Другой в идентичности ЕС: Репрезентации современного российского гендерного порядка в европейской прессе // *Женщина в российском обществе*. — 2013. — № 4. — С. 98–105.
38. Рябов О.В. «Матюшка-Русь»: опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. — М: Ладомир, 2001. — 202 с.
39. Рябов О.В., Константинова М.А. «Русский медведь» как символический пограничник // *Труды Карельского Научного Центра Российской академии наук*. — 2011. — № 6. — С. 114–123.
40. Рябова Т.Б. 'Путин vs Обама': Противопоставление национальных маскулинностей как фактор современного российского антиамериканизма // *Женщина в российском обществе*. — 2014. — № 4. — С. 63–71.
41. Рябова Т.Б. Гендерные стереотипы в политической сфере современного российского общества: социологический анализ: дис. ... д-ра социол. наук. — Иваново, 2009. — 385 с.
42. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. — СПб: Русский Мир, 2006. — 637 с.
43. Странский З. Русские никогда не будут «западниками» // *Neviditelny pes*. 25.05.2015. Перевод на сайте ИноСМИ. — URL: <http://inosmi.ru/world/20150525/228207376.html> (доступно 30.06.2016).
44. Строковская Т. Вторая мировая война в учебниках истории стран Евросоюза в контексте национальной идентичности // *Историческая психология и социология истории*. — 2015. — № 1. — С. 21–32.
45. Траверс П. «Русский пьяница» - стереотип живучий. Какой русский не пьет // *Regard sur l'Est*. 8.07.2008. Перевод на сайте ИноСМИ. — URL: <http://inosmi.ru/panorama/20080708/242438.html> (доступно 30.06.2016).
46. Том Ф. Война с терроризмом: чего на самом деле хочет Россия? // *Le Huffington Post*. 4.12.15. Перевод на сайте ИноСМИ. — URL: <http://inosmi.ru/politic/20151204/234680638.html> (доступно 30.06.2016).
47. «Украина — это не коврик у двери Путина» // *Радио «Свобода»*. 17.10.2015. — URL: <http://www.svoboda.org/content/article/27311335.html> (доступно 30.06.2016).
48. Фомин А.В. Какой истории учат в школах Литвы. // *News.tts.lt*. 23.08.2010. — URL: http://news.tts.lt/ru/Litva_i_strani_baltii/8478-Kakojj_istorii_uchat_v_shkolah_Litvy.htm. (доступно 30.06.2016).
49. Фосвинкель Й. Зверь в маменькином сыночке // *Die Zeit*. 8.10.2007. Перевод на сайте ИноСМИ. — URL: <http://inosmi.ru/inrussia/20071008/237074.html> (доступно 30.06.2016).
50. Химмельрайх Й. От стратегического партнера к стратегическому противнику // *Neue Zuercher Zeitung*. 13.05.2015. Перевод на сайте ИноСМИ. — URL: <http://inosmi.ru/world/20150513/228013535.html> (доступно 30.06.2016).
51. Цумарова Е.Ю. Политика идентичности в регионах России: теоретический и практический аспекты (на примере республики Карелия): дис. ... канд. полит. наук. — СПб, 2014. — 157 с.
52. Юраш В. Россия уже отрабатывала ядерную атаку на Варшаву // *Onet.Pl*. 9.12.2015. Перевод на сайте ИноСМИ. — URL: <http://inosmi.ru/military/20151209/234734275.html> (доступно 30.06.2016).
53. 23 августа 1939 года: общеевропейский день памяти жертв всех тоталитарных и авторитарных режимов // *Посольство Эстонии в Москве*. — URL: <http://www.estemb.ru/estonija/istorija/aid-2128> (доступно 30.06.2016).
54. Barnavi E. The Museum of Europe, or how to show Europe to the Europeans // *Eutopia*. 15.06.2015. — URL: <http://www.eutopiamagazinearchive.eu/es/node/754.html> (доступно 30.06.2016).
55. Barth F. Introduction // *Ethnic groups and boundaries: The social organization of culture difference* / Ed. by F. Barth. — Long Grove, IL: Waveland Press, 1998. — P. 9-38.
56. Berman R. *Anti-Americanism in Europe: A Cultural Problem*. — Stanford: Hoover Institution Press, Stanford University, 2004. — 186 p.
57. Cohn C. Wars, Wimps, and Women: Talking Gender and Thinking War // *Gendering War Talk* / Ed. by M. Cooke, A. Woollacott. — Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993. — P. 227-246.
58. Declaration on crimes of communism // *Institute for the Study of Totalitarian Regimes*. 2010. — URL: <http://www.webcitation.org/5yfNE22gE> (доступно 30.06.2016).
59. Delanty G. *Inventing Europe: idea, identity, reality*. — L.: Palgrave Macmillan, 1995. — 200 p.
60. European Parliament resolution of 2 April 2009 on European conscience and totalitarianism. № P6_TA(2009)0213. — URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-%2f%2fEP%2f%2fTEXT%2bTA%2bP6-TA-2009-0213%2b0%2bDOC%2bXML%2bV0%2f%2fEN&language=EN> (доступно 30.06.2016).
61. Harle V. *The enemy with a thousand faces: the tradition of the other in western political thought and history*. — Westport, CT: Praeger, 2000. — 218 p.
62. Lazari A. de, Riabow O., Zakowska M. *Europa i Niedzwiedz*. — Warszawa: Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia, 2013. — 320 s.
63. Malia M. *Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum*. — Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University, 2000. — 528 p.

64. Morozov V., Rumelili B. The external constitution of European identity: Russia and Turkey as Europe-makers // *Cooperation and Conflict*. — 2012. — Vol. 47. — № 1. — P. 28–48.
65. Neumann I.B. Constructing Europe: Russia as Europe's Other // *Political Symbols, Symbolic Politics: European identities in transformation* / Ed. by U. Hedetoft. — Aldershot: Ashgate, 1998. — P. 226–266.
66. Neumann I.B. *Uses of the other: "the East" in European identity formation*. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999. — 281 p.
67. Orenstein M., Kreko P., Juhász A. The Hungarian Putin? Viktor Orban and the Kremlin's Playbook // *Foreign Affairs*. 8.02.2015. — URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/hungary/2015-02-08/hungarian-putin> (доступно 30.06.2016).
68. Prague Declaration on European Conscience and Communism // *Victims of Communism Memorial Foundation*. 03.06.2008. — URL: <http://www.webcitation.org/64otCtAyz> (доступно 30.06.2016).
69. Reiermann C. Fighting Words: Schäuble Says Putin's Crimea Plans Reminiscent of Hitler // *Spiegel Online International*. 31.03.2014. — URL: <http://www.spiegel.de/international/germany/schaeuble-compares-putin-moves-in-crimea-to-policies-of-hitler-a-961696.html> (доступно 30.06.2016).
70. Resolution on divided Europe reunited: Promoting human rights and civil liberties in the OSCE region in the 21st century // *Vilnius declaration of the OSCE parliamentary assembly and resolutions adopted at the Eighteenth annual session*. Vilnius, 29 June to 3 July 2009. № as(09)d1e. — URL: <https://www.oscepa.org/documents/all-documents/annual-sessions/2009-vilnius/declaration-6/261-2009-vilnius-declaration-eng/file> (доступно 30.06.2016).
71. Resolution 1481. Need for international condemnation of crimes of totalitarian communist regimes // *Parliamentary Assembly*. Council of Europe. 2006. — URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=17403&lang=en> (доступно 30.06.2016).
72. Riabchuk M. Emancipation from the East Slavonic ummah // *Eurozine*. 11.03.2015. — URL: <http://www.eurozine.com/articles/2015-03-11-riabchuk-en.html> (доступно 30.06.2016).
73. Riabov O., Lazari de A. Misha and the Bear: The Bear Metaphor for Russia in Representations of the "Five-Day War" // *Russian Politics and Law*. — 2009. — Vol. 47. — № 5. — P. 26–39.
74. Riabov O., Riabova T. Remasculinization of Russia? Gender, Nationalism and Legitimation of Power under Vladimir Putin // *Problems of Post-Communism*. — 2014. — Vol. 61. — № 2. — P. 23–35.
75. Snyder T. *Bloodlands: Europe Between Hitler and Stalin*. — N.Y.: Basic Books / Random House, 2010. — 544 p.
76. Ukraine Crisis: New EU Chief Donald Tusk Warns of 1939 Nazi Invasion Repeat // *International Business Times*. 1.09.2014. — URL: <http://www.ibtimes.co.uk/ukraine-crisis-new-eu-chief-donald-tusk-warns-1939-nazi-invasion-repeat-1463511> (доступно 30.06.2016).
77. World War Three: Inside the War Room // *Rutube*. — URL: <https://rutube.ru/video/8cd685c7ab446792b4a750338b1c5ae7/> (доступно 30.06.2016).

References

1. Achkasov V.A. *Politika identichnosti mul'tietnichnykh gosudarstv v kontekste resheniia problemy bezopasnosti*. — SPb: Izd-vo SPbGU, 2012. — 232 s.
2. Achkasov V.A. Rol' «istoricheskoi politiki» v formirovanii rossiiskoi identichnosti // *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. — 2015. — № 2. — S. 181–192.
3. Batalov E.Ia., Zhuravleva V.Iu., Khozinskaia K.V. «Rychashchii medved'» na «Dikom Vos-toke»: obrazy sovremennoi Rossii v rabotakh amerikanskikh avtorov, 1992–2007 gg. — M.: ROSSPEN, 2009. — 380 s.
4. Vall' del' A., Lamber M. Evrope i Rossii ne izbezhat' voiny? // *Atlantico*. 21.12.2015. Pervod na saite InoSMI. — URL: <http://inosmi.ru/military/20151223/234890618.html> (accessed 30.06.2016).
5. Vul'f L. *Izobretaia Vostochnuiu Evropu: Karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniia*. — M: Novoe literaturnoe obozrenie, 2003. — 560 s.
6. Danilevskii N.Ia. Gore pobediteliam! // *Khronos*. — URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_d/gore1.html (accessed 30.06.2016).
7. Diez G. Putinizatsiia germanskoi politiki // *Der Spiegel*. 14.10.2015. Pervod na saite InoSMI.— URL: <http://inosmi.ru/world/20151014/230802093.html> (accessed 30.06.2016).
8. Dubina V.S. Boleznennaia tema Vtoroi mirovoi voiny: pamiat' o seksual'nom nasilii po obe storony fronta // *Vestnik RGGU*. — 2011. — № 17. — S. 47–56.
9. Jendrzejczak M. Turanskoe oblich'e Rossii // *Polonia Christiana*. 29.08.2014. Pervod na saite InoSMI.— URL: <http://inosmi.ru/russia/20140829/222672560.html> (accessed 30.06.2016).

10. Zaritskii T. Rossiiskii diskurs v Pol'she: obraz Rossii v konstruirovani pol'skoi identichnosti // Rossiiane i poliaki na rubezhe stoletii. Opyt sravnitel'nogo issledovaniia sotsial'nykh identifikatsii (1998-2002 gg.) / Pod red. E.N. Danilovoi, V.A. Iadova. — SPb: Izd-vo RKhGA, 2006. — S. 63–87. (accessed 30.06.2016).
11. Koller F. Lekh Valensa: «My dolzhny pomoch' Rossii vstat' na put' peremen, po koto-romu proshli sami» // Le Temps. 09.12.2015. Perevod na saite InoSMI. — URL: <http://inosmi.ru/politic/20151209/234734459.html> (accessed 30.06.2016).
12. Colucci L. Doktrina Putina v deistvii // The Weekly Standard. 28.09.2015. Perevod na saite InoSMI. — URL: <http://inosmi.ru/russia/20150928/230498639.html> (accessed 30.06.2016).
13. Korczyński T. Bezzhalostnaia doktrina Putina // Nasz Dziennik. 20.08.2014. — Perevod na saite InoSMI. URL: <http://inosmi.ru/world/20140820/222500475-print.html> (accessed 30.06.2016).
14. Krylov A. Prakticheski zhivotnaia nenavist' k slavianam // Vzgliad. 7.01.2016. — URL: <http://vz.ru/columns/2016/1/7/787506.html>.
15. Coudenhove-Kalergi R. Pan-Evropa. — M.: Vita Planetare, 2006. — 120 s.
16. Kundera M. Tragediia Tsentral'noi Evropy // Novaia Eŭropa. — URL: <http://n-europe.eu/content/?p=26> (accessed 30.06.2016).
17. Kurnaeva N.A., Riabov O.V. «Gusary deneg ne berut»: Svoi i Chuzhie v gendernom diskurse kollektivnoi identichnosti // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. — 2006. — № 518. — S. 239–246.
18. Leeuv-Roord von der I. Istoriia Rossii v zarubezhnykh uchebnikakh. Doklad, pročitannyi na mezhdunarodnom seminare «Sovremennye podkhody v prepodavanii istorii» (Rossiia, Pskov, 15-17 apreliia 1996 g.) // Metamorfozy Istorii. — 1997. — № 1. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-rossii-v-zarubezhnykh-uchebnikakh> (accessed 30.06.2016).
19. Malinova O.Iu. Konstruirovaniie makropoliticheskoi identichnosti v postsovetsoi Rossii: simvolicheskaiia politika v transformiruiushcheisii publichnoi sfere // Politicheskaiia ekspertiza: POLITEKS. — 2010. — № 1. — S. 5–29.
20. Malinova O.Iu. Politicheskoe ispol'zovaniie proshlogo kak instrument simvolicheskoi politiki: evoliutsiia diskursa vlastvuiushchei elity v postsovetsoi Rossii // Politicheskaiia ekspertiza: POLITEKS. — 2012. — T. 8. — № 4. — S. 179–204.
21. Malinova O.Iu. Simvolicheskaiia politika: kontury problemnogo polia // Simvolicheskaiia politika. Vyp 1. Konstruirovaniie predstavlenii o proshlom kak vlastnyi Resurs — M., 2012. — S. 17–53.
22. Maresh T. Obraz vostochnogo soseda: Istoriia Rusi, Rossii i SSSR v pol'skikh uchebnikakh dlia srednei shkoly (40-90-e gg. XX v.) // Vestnik RGGU. — 2008. — № 4. — S. 63–78.
23. Miller A. Evropeiskie voiny pamiati: kto vzorval konsensus istorii i chem za eto zapla-tit // Novaia Gazeta. 3.06.2015. — URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/68655.html> (accessed 30.06.2016).
24. Mnishek I. Demontazh ictorii: Oskvernenie pamiatnikov podderzhivaetsia na gosudarstvennom urovne // Versiia. 12.01.2015. — URL: <https://versia.ru/oskvernenie-pamyatnikov-podderzhivaetsya-na-gosudarstvennom-urovne> (accessed 30.06.2016).
25. Mer Kishineva predlozhit demontirovat' pamiatniki sovetским soldatam // Lenta.Ru. 1.09.2014. — URL: <http://lenta.ru/news/2014/09/01/kishinev> (accessed 30.06.2016).
26. Pali A. Finno-ugorskaia razgadka «zagadochnoi Rossii» // Den'.Kiev.ua. 16.10.2013. — URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/den-planety/finno-ugorskaya-razgadka-zagadochnoy-rossii> (accessed 30.06.2016).
27. Panarina E.A. Razvitie idei evropeiskoi integratsii v pervoi polovine XX veka: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. — Stavropol', 2006. — 27 s.
28. Pol'shu obvinili v «putinizatsii» // Kommersant.ru. 10.01.2016. — URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2889169> (accessed 30.06.2016).
29. Prezident Estonii prizval rossiiskikh finno-ugrov k samoopredeleniiu // Rossiiskaia gazeta. 30.06.2008. — URL: <http://www.rg.ru/2008/06/30/ilves.html> (accessed 7.02.2016).
30. Provokatsiia po-pol'ski. Pol'skii ministr schitaet, chto kontslager' v Osventsime byl osvobozhden ukrainsami // Rossiiskaia gazeta. 21.01.2015. — URL: <http://www.rg.ru/2015/01/21/osventsim-site.html> (accessed 30.06.2016).
31. Radziwinowicz W. Agressiia rastet // Gazeta Wyborcza. 30.12.23. Perevod na saite InoSMI. — URL: <http://inosmi.ru/russia/20131230/216161613.html> (accessed 30.06.2016).
32. Rizhkovskii V. Kak sdelany «bladlends»? // Ab Imperio. — URL: <http://net.abimperio.net/node/2564> (accessed 30.06.2016).
33. Rossomakhin A.A, Khrustalev D. G. Rossiia kak Medved': istoki vizualizatsii (XVI—XVIII vek) // Granitsy: Al'manakh Tsentra etnicheskikh i natsional'nykh issledovaniiv IvGU. — 2008. — № 2. — S. 123–161.

34. Russkie idut: «Ol'ga obognala Khel'gu» // Der Tagesspiegel. 29.07.2009. Pervod na saite InoSMI. — URL: <http://inosmi.ru/world/20090729/251119.html> (accessed 30.06.2016).
35. Riabov D.O. Rossiia kak «drugaia Evropa» v diskurse evropeiskikh pravyykh populistiskikh partii // Politicheskaia ekspertiza: POLITEKS. — 2014. — № 3. — S. 136-144.
36. Riabov D.O. Obraz Rossii v politike evropeiskoi identichnosti ES: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. — SPb, 2016. — 34 s.
37. Riabov D.O. Rossiiskii Drugoi v identichnosti ES: Rerezentatsii sovremennogo rossiiskogo gendernogo poriadka v evropeiskoi presse // Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. — 2013. — № 4. — S. 98–105.
38. Riabov O.V. «Matushka-Rus'»: opyt gendernogo analiza poiskov natsional'noi identichnosti Rossii v otechestvennoi i zapadnoi istoriosofii. — M: Lodomir, 2001. — 202 s.
39. Riabov O.V., Konstantinova M.A. «Russkii medved'» kak simvolicheskii pogranichnik // Trudy Karel'skogo Nauchnogo Tsentra Rossiiskoi akademii nauk. — 2011. — № 6. — S. 114–123.
40. Riabova T.B. 'Putin vs Obama': Protivopostavlenie natsional'nykh maskulinnosti kak faktor sovremennogo rossiiskogo antiamerikanizma // Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. — 2014. — № 4. — S. 63–71.
41. Riabova T.B. Gendernye stereotipy v politicheskoi sfere sovremennogo rossiiskogo obshchestva: sotsiologicheskii analiz: dis. ... d-ra sotsiol. nauk. — Ivanovo, 2009. — 385 s.
42. Said E. Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka. — SPb: Russkii Mip, 2006. — 637 s.
43. Stránský Z. Russkie nikogda ne budut «zapadnikami» // Neviditelny pes. 25.05.2015. Pervod na saite InoSMI. — URL: <http://inosmi.ru/world/20150525/228207376.html> (accessed 30.06.2016).
44. Strokovskaia T. Vtoraia mirovaia voina v uchebnikakh istorii stran Evrosoiuza v kontekste natsional'noi identichnosti // Istoricheskaiia psikhologiiia i sotsiologiiia istorii. — 2015. — № 1. — S. 21–32.
45. Traver P. «Russkii p'ianitsa» — stereotip zhivuchii. Kakoi russkii ne p'et // Regard sur l'Est. 8.07.2008. Pervod na saite InoSMI. — URL: <http://inosmi.ru/panorama/20080708/242438.html> (accessed 30.06.2016).
46. Tom F. Voina s terrorizmom: chego na samom dele khochet Rossiia? // Le Huffington Post. 4.12.15. Pervod na saite InoSMI. — URL: <http://inosmi.ru/politic/20151204/234680638.html> (accessed 30.06.2016).
47. «Ukraina — eto ne kovrik u dveri Putina» // Radio «Svoboda». 17.10.2015. — URL: <http://www.svoboda.org/content/article/27311335.html> (accessed 30.06.2016).
48. Fomin A.V. Kakoi istorii uchat v shkolakh Litvy. // News.tts.lt. 23.08.2010. — URL: http://news.tts.lt/ru/Litva_i_strani_baltii/8478-Kakojj_istorii_uchat_v_shkolah_Litvy.htm. (accessed 30.06.2016).
49. Voswinkel J. Zver' v mamen'kinom synochke // Die Zeit. 8.10.2007. Pervod na saite InoSMI. — URL: <http://inosmi.ru/inrussia/20071008/237074.html> (accessed 30.06.2016).
50. Himmerreich J. Ot strategicheskogo partnera k strategicheskomu protivniku // Neue Zuercher Zeitung. 13.05.2015. Pervod na saite InoSMI. — URL: <http://inosmi.ru/world/20150513/228013535.html> (accessed 30.06.2016).
51. Tsumarova E.Iu. Politika identichnosti v regionakh Rossii: teoreticheskii i prakticheskii aspekty (na primere respubliki Kareliia): dis. ... kand. polit. nauk. — SPb, 2014. — 157 s.
52. Jurasz W. Rossiia uzhe otrabatyvala iadernuiu ataku na Varshavu // Onet.Pl. 9.12.2015. Pervod na saite InoSMI. — URL: <http://inosmi.ru/military/20151209/234734275.html> (accessed 30.06.2016).
53. 23 avgusta 1939 goda: obshcheevropeiskii den' pamiati zhertv vseh totalitarnykh i avtoritarnykh rezhimov // Posol'stvo Estonii v Moskve. — URL: <http://www.estemb.ru/estonija/istorija/aid-2128> (accessed 30.06.2016).
54. Barnavi E. The Museum of Europe, or how to show Europe to the Europeans // Eutopia. 15.06.2015. — URL: <http://www.eutopiamagazinearchive.eu/es/node/754.html> (accessed 30.06.2016).
55. Barth F. Introduction // Ethnic groups and boundaries: The social organization of culture difference / Ed. by F. Barth. — Long Grove, IL: Waveland Press, 1998. — P. 9-38.
56. Berman R. Anti-Americanism in Europe: A Cultural Problem. — Stanford: Hoover Institution Press, Stanford University, 2004. — 186 p.
57. Cohn C. Wars, Wimps, and Women: Talking Gender and Thinking War // Gendering War Talk / Ed. by M. Cooke, A. Woollacott. — Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993. — P. 227-246.
58. Declaration on crimes of communism // Institute for the Study of Totalitarian Regimes. 2010. — URL: <http://www.webcitation.org/5yfNE22gE> (accessed 30.06.2016).
59. Delanty G. Inventing Europe: idea, identity, reality. — L.: Palgrave Macmillan, 1995. — 200 p.
60. EuropeanParliamentresolutionof2April2009onEuropeanconscienceandtotalitarianism.№P6_TA(2009)0213. — URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-%2f%2fEP%2f%2fTEXT%2bTA%2bP6-TA-2009-0213%2b0%2bDOC%2bXML%2bV0%2f%2fEN&language=EN> (accessed 30.06.2016).

61. Harle V. The enemy with a thousand faces: the tradition of the other in western political thought and history. — Westport, CT: Praeger, 2000. — 218 p.
62. Lazari A. de, Riabow O., Zakowska M. Europa i Niedzwiedz. — Warszawa: Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia, 2013. — 320 s.
63. Malia M. Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. — Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University, 2000. — 528 p.
64. Morozov V., Rumelili B. The external constitution of European identity: Russia and Turkey as Europe-makers // Cooperation and Conflict. — 2012. — Vol. 47. — № 1. — P. 28–48.
65. Neumann I.B. Constructing Europe: Russia as Europe's Other // Political Symbols, Symbolic Politics: European identities in transformation / Ed. by U. Hedetoft. — Aldershot: Ashgate, 1998. — P. 226-266.
66. Neumann I.B. Uses of the other: "the East" in European identity formation. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999. — 281 p.
67. Orenstein M., Kreko P., Juhász A. The Hungarian Putin? Viktor Orban and the Kremlin's Playbook // Foreign Affairs. 8.02.2015. — URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/hungary/2015-02-08/hungarian-putin> (accessed 30.06.2016).
68. Prague Declaration on European Conscience and Communism // Victims of Communism Memorial Foundation. 03.06.2008. — URL: <http://www.webcitation.org/64otCtAyz> (accessed 30.06.2016).
69. Reiermann C. Fighting Words: Schäuble Says Putin's Crimea Plans Reminiscent of Hitler // Spiegel Online International. 31.03.2014. — URL: <http://www.spiegel.de/international/germany/schaeuble-compares-putin-moves-in-crimea-to-policies-of-hitler-a-961696.html> (accessed 30.06.2016).
70. Resolution on divided Europe reunited: Promoting human rights and civil liberties in the OSCE region in the 21st century // Vilnius declaration of the OSCE parliamentary assembly and resolutions adopted at the Eighteenth annual session. Vilnius, 29 June to 3 July 2009. № as(09)d1e. — URL: <https://www.oscepa.org/documents/all-documents/annual-sessions/2009-vilnius/declaration-6/261-2009-vilnius-declaration-eng/file> (accessed 30.06.2016).
71. Resolution 1481. Need for international condemnation of crimes of totalitarian communist regimes // Parliamentary Assembly. Council of Europe. 2006. — URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=17403&lang=en> (accessed 30.06.2016).
72. Riabchuk M. Emancipation from the East Slavonic ummah // Eurozine. 11.03.2015. — URL: <http://www.eurozine.com/articles/2015-03-11-riabchuk-en.html> (accessed 30.06.2016).
73. Riabov O., Lazari de A. Misha and the Bear: The Bear Metaphor for Russia in Representations of the "Five-Day War" // Russian Politics and Law. — 2009. — Vol. 47. — № 5. — P. 26–39.
74. Riabov O., Riabova T. Remasculinization of Russia? Gender, Nationalism and Legitimation of Power under Vladimir Putin // Problems of Post-Communism. — 2014. — Vol. 61. — № 2. — P. 23-35.
75. Snyder T. Bloodlands: Europe Between Hitler and Stalin. — N.Y.: Basic Books / Random House, 2010. — 544 p.
76. Ukraine Crisis: New EU Chief Donald Tusk Warns of 1939 Nazi Invasion Repeat // International Business Times. 1.09.2014. — URL: <http://www.ibtimes.co.uk/ukraine-crisis-new-eu-chief-donald-tusk-warns-1939-nazi-invasion-repeat-1463511> (accessed 30.06.2016).
77. World War Three: Inside the War Room // Rutube. — URL: <https://rutube.ru/video/8cd685c7ab446792b4a750338b1c5ae7/> (accessed 30.06.2016).